

Эдипов комплекс и уязвимость психоаналитика

О. В. Гайгер

Гайгер Олеся Валерьевна – врач-психиатр, психолог, психоаналитически ориентированный бизнес-консультант, член ЕАРПП.

*Эдипов комплекс как внутриспсихическая структура присущ каждому человеку. Каждый из нас когда-то стоял на эдиповом «перекрестке» и проходил через жернова амбивалентных эмоций, которые связаны с треугольными отношениями «мать – я – отец». Человеческую природу преодолеть невозможно, и наши эдиповы переживания никогда никуда не исчезают, поэтому аналитик, как и его клиент, всю жизнь несет с собой ранний детский опыт, который определяет его интрапсихическое и межличностное развитие, внутреннюю психическую реальность, мышление и нарциссическую уязвимость. Все эти факторы делают аналитика тем человеком, кто он есть, в том числе мотивируют его выбор профессии и обуславливают то, как он ведет анализ. А так как аналитик всегда работает собой, то все зависит от того, насколько он осознает, какие собственные мотивы и потребности он удовлетворяет, чем жертвует, а в чем выигрывает, работая с клиентами. Вопросы эдипова комплекса и уязвимости аналитика исторически игнорировались, не только как предмет научного исследования, но и в личном анализе. Данная статья является попыткой изучить то, о чем не принято говорить в психоаналитических сообществах, то, что остается невысказанным, нераскрытым и даже тайным как в жизни аналитика, так и в его консультационном кабинете. **Ключевые слова:** эдипов комплекс, эдипова конфигурация, ранний детский опыт, нарциссическая уязвимость, аналитик, Эдип интеллектуальный, стремление к истине, психический рост.*

Введение

«Нарциссическая уязвимость является несменяемым бременем человека, частью его состояния, от которого никто никогда не освобождается».

Хайнц Кохут. «Восстановление самости», 2017б

В середине V века до нашей эры древнегреческий драматург Софокл написал трагедию «Царь Эдип» – ироничную историю об отцеубийстве и инцесте, главный герой которой, Эдип, решил выследить, разоблачить и наказать убийцу, которым сам и оказался (*Sophocles, 2000*). Спустя более чем два тысячелетия, на рубеже XX века, эта трагедия легла в основу эдипова комплекса, который открыл Зигмунд Фрейд, выдвинув гипотезу о том, что каждый человек, вне зависимости от пола, испытывает эдиповы переживания.

Антонино Ферро писал, что та важность, которую психоанализ придает эдипову комплексу, сделала невозможным увидеть огромное количество других комплексов. Их можно было бы заметить, если бы не «свет» Эдипа, который распространяется повсюду, не позволяя увидеть, распознать и осмыслить другие созвездия (*Ferro, 2017*). Действительно, с того момента, как Зигмунд Фрейд открыл эдипов комплекс, или Эдип, он считается фундаментом, ядерным конфликтом каждого человека. А природа эдипова комплекса является основой для других важнейших концепций психоаналитических теорий, утверждал Ферро.

Эдипов комплекс – это комплекс эмоционально заряженных сознательных и бессознательных амбивалентных импульсов, идей, тревог и защит, которые возникают в так называемом треугольнике. Треугольник как базовая матрица эдипова комплекса – это семья, то есть родители и ребенок; а потоки эмоциональных переживаний, которые возникают между этими тремя, описывают конфигурацию эдипова комплекса. Такой треугольник «сидит» в психике каждого человека, поэтому все события мира каждый из нас рассматривает через призму эдипова комплекса. Все многообразие человеческих отношений является не чем иным, как вариацией Эдипа, факсимиле того, что было однажды, потому что устойчивые модели поведения формируются именно в раннем детском возрасте и оказывают существенное влияние на то, как человек строит отношения.

Эдипов комплекс как внутриспсихическая структура присущ каждому человеку. Это означает, что каждый из нас когда-то стоял на эдиповом «перекрестке» и проходил через жернова амбивалентных эмоций, которые связаны с треугольными отношениями «мать – я – отец». Означает ли это, что каждый, будь то клиент или аналитик, несет эти ранние переживания и мотивы с собой всю жизнь? Означает ли это, что каждый, вне зависимости от пола и возраста, хочет быть единственным и уникальным, каждый сравнивает себя с другими, жаждет авторитета и признания и каждому не чужды ревность, жадность и зависть? Означает ли это, что каждый может испытывать переживания исключенности, ненужности и хочет избавиться от них, хочет, чтобы это чувствовал кто-то другой, а не он сам? С большой степенью вероятности да.

Каждый из нас имеет то бессознательное, которое заслуживает, и аналитик способен открыть глаза клиенту лишь настолько, насколько сам не боится истины. Аналитик, как и его клиент, также имеет опыт ранних детских переживаний и поэтому воспринимает клиента в соответствии с тем, насколько метаболизированы, охлаждены и лишены интенсивного заряда его собственные эдиповы переживания. Карен Марода утверждала, что, когда аналитик работает с клиентом, он заново проживает свое прошлое, соприкасается с до боли знакомыми эмоциональными переживаниями, черпает удовольствие и/или проходит через страдания (Maroda, 2022). Более того, в своей работе аналитики часто отдают предпочтение тем теоретическим подходам, которые легко превращаются либо в повторение их собственного прошлого, либо в защиту от переживания этого повторения.

Если задуматься, то в бессознательном человека, кто бы он ни был, не существует ничего, что связано с его желанием быть аналитиком. Это означает, что аналитик – это обычный человек, который не знает, как лучше работать с тем или иным клиентом, и всегда работает самим собой. Он делает это через собственную эдипову конфигурацию, другого способа просто не существует, поэтому он всегда втянут в свои эдиповы переживания, уязвим и не выходит за пределы, очерченные его собственными комплексами и внутренним сопротивлением. Все зависит от того количества эмоциональной боли, которую он сам может вынести: если аналитик может выносить свою эмоциональную боль, значит, он сможет вынести и боль клиента. Тогда возникают другие вопросы: если аналитик не может быть «ранен» своим клиентом, насколько он будет вовлечен в процесс анализа? Если клиент не может причинить аналитику боль, насколько важен такой клиент будет для аналитика? Создается впечатление, что аналитическое Эго оставляет мало места для закономерной уязвимости аналитика, которая возникает естественным образом в результате его эмоциональной вовлеченности в процесс анализа.

По мнению Джона Стайнера, между зрителем, который наблюдает за игрой актеров на сцене театра, и аналитиком, который слушает драму своего клиента, можно провести параллели (Steiner, 2020). Для того чтобы аналитик понимал драму клиента и ее влияние на себя, ему необходимо, чтобы он был способен играть обе роли: и участника этой драмы, и наблюдателя, а это значит, был способен выдерживать собственные амбивалентные переживания и уязвимость. Эти два состояния – и участника, и наблюдателя – одновременно несовместимы, аналитик не может быть и вовлеченным, и отстраненным в одно и то же время. Когда он вовлечен, он осознает, что у него сохраняется способность наблюдать; когда он наблюдает, он знает, что он был и снова будет вовлечен. Поскольку ни одна из этих позиций не является устойчивой, то сам факт исполнения этих ролей в рамках психоаналитической сессии может служить аналитику напоминанием о его человеческих (эдиповых) слабостях и является необходимым и достаточным условием для переживания им уязвимости и неуверенности в себе.

В данной статье детально изучаются вопросы, связанные с нарциссической уязвимостью и эдиповым комплексом аналитика, а также с тем, какое влияние оказывает ранний детский опыт аналитика на его внутриспсихическое и межличностное развитие, как определяет его мышление и уязвимость, мотивы и потребности, делает его тем человеком, кто он есть, в том числе влияет на его выбор профессии и обуславливает то, как он ведет анализ.

Эдипов комплекс аналитика

Зигмунд Фрейд открыл эдипов комплекс и описал его как внутриспсихическую структуру, присущую *каждому* человеку. В силу того что Фрейд рассматривал Эдип исключительно в терминах либидинозных и деструктивных драйвов, которые разряжаются по типу рефлекторной дуги, Эдип Фрейда – инцестуозный и отцеубийственный, другими словами, однозначный, самый примитивный. Фрейд считал, что согласно принципу удовольствия в бессознательном нет никаких других фантазий, кроме тех, как получать удовольствие, и тех, как избавляться от неудовольствия, которое вызвано телесными процессами. Если эти фантазии представить конкретным образом, то в терминах рефлекторной дуги это мог бы быть либо разрушительный акт, либо сексуальный. А поскольку объект разрядки не важен, то, согласно Фрейду, влечение случайным образом привязывается к объекту и индивиду важно только то, чтобы оно было сброшено.

Поэтому, если убрать цензуру и социальные институты, то сброс напряжения будет происходить немедленно, индивиды будут убивать друг друга или совокупляться, то есть разряжать эдиповы деструктивные или либидинозные импульсы. Но человек – это «животное» коллективное, и ему приходится выживать, соблюдать законы «общезития». Он вынужден считаться с принципом реальности, думать там, где хочется совершить разрядку, и каким-то образом справляться с неудовольствием и психическим напряжением. Это применимо к любому человеку, в том числе и к аналитику в рамках психоаналитической сессии. Паула Хайманн писала, что для того, чтобы аналитик имел возможность выдерживать свои чувства и переживания, а не разряжать их так, как это делает клиент, он должен проходить личный психоанализ (цит. по: Хиншелвуд, 2007). Шандор Ференци высказывался более категорично и заявлял, что от аналитика зависит судьба его клиентов, поэтому он обязан не только знать, но и контролировать самые мельчайшие слабости своего характера, что невозможно сделать без полностью завершеного анализа (Бокановски, 2013).

Действительно, прохождение личного анализа – это необходимое условие для работы аналитиком, соблюдение которого уходит корнями во времена Зигмунда Фрейда. Еще в 1909 году в Лекции 1 по «Введению в психоанализ» Фрейд настаивал на том, что главная часть профессиональной подготовки аналитика заключается в его собственном тренинге. Он писал: «Психоанализом овладевают прежде всего на самом себе при изучении своей личности», и «...только тот может успешно

практиковать психоанализ, кто сам познал свое вытесненное бессознательное» (Фрейд, 2019, с. 20). В 1922 году требование о прохождении личного анализа было утверждено на конгрессе Международной психоаналитической ассоциации, сохраняется по сей день и предъявляется ко всем кандидатам в аналитики, вне зависимости от модели психоаналитического тренинга (французской, уругвайской или эйтингонской), который они проходят.

С другой стороны, возникает вопрос: возможно ли быть до конца проанализированным, целиком изучить и понять то, что скрыто и неизвестно? В работе «Конечный и бесконечный анализ» 1937 года Зигмунд Фрейд размышлял о критериях полного завершения анализа, и, с его точки зрения, полностью проанализированным может считаться только тот клиент, «влечение которого было "приручено", приведено в полную гармонию с Я, стало доступным всем остальным стремлениям в Я и более не ищет собственных путей к удовлетворению» (Сандлер, 2016, с. 29). Исходя из этого утверждения, гипотетически каждый индивид может быть до конца или полностью проанализированным, хотя здравый смысл подсказывает, что всегда будет оставаться что-то, что составляет бессознательное индивида и недоступно анализу. Например, разрушительные и сексуальные импульсы, которые ребенок испытывал к отцу и матери на стадии инфантильной сексуальности, всегда будут оставаться «живыми» и находиться по ту сторону сознания, у всех людей без исключения, в том числе у аналитиков. Эти переживания никуда не исчезают, они находятся в недоступной области, в бессознательном; а сознательно эти идеи воспринимаются как безумные или с отвращением. Но как бы там ни было, «миф о полностью проанализированном аналитике, который обладает сверхчеловеческими способностями для выполнения сложной работы, а также дает правильные и адекватные интерпретации, пока сильно далек от исчезновения и продолжает жить в представлениях о том, кто такой аналитик», писала Карен Марода, цитируя Эллен Пински (*Maroda, 2022, p. 26*).

Продолжая рассуждать об эдиповом комплексе в целом и об эдиповом комплексе аналитика в частности, стоит обратиться к трудам Мелани Кляйн и ее последователей, которые взяли «электронный микроскоп» и с его помощью увидели иную картину, отличающуюся от той, что видел Фрейд с помощью «обычного микроскопа». Метафорически описывая психоаналитические теории Кляйн и Фрейда, можно сказать, что Мелани Кляйн увидела «внутренний театр» индивида, его бессознательные фантазии, backstage, и то, что происходит за занавесом, в то время как Зигмунд Фрейд видел картину, сравнимую с «археологическими раскопками» или «хирургическим вмешательством». Кляйнианская теория – это сжатая эволюционная схема, которая отражает сомнения Мелани Кляйн в строгой последовательности фаз организации либидо, а также в том, когда начинается эдипов комплекс и когда появляется Суперэго индивида. Она предположила, что фазы организации либидо смыкаются и перекрывают одна другую – не только фаллическая фаза включается в прегенитальную организацию, но и сама генитальность начинает развиваться уже тогда, когда все еще преобладают оральные драйвы. Таким образом

она оспорила мнение Фрейда о времени «начала» эдипова комплекса и предположила, что эдипов комплекс уходит корнями в самые первые фантазии младенца о теле матери и носит название эдипальной ситуации.

Мелани Кляйн размышляла об оральных фантазиях ребенка, которые возникают у него в процессе кормления материнской грудью и в которых появляется третий, а точнее, отец, но в терминах частичных объектов, то есть «пенис отца». Помимо этого, в фантазиях ребенка появляется родительская пара (комбинированная родительская фигура), которая объединяется в своей деятельности и исключает из нее ребенка. Примечательно, что именно в связи с этой исключенностью у ребенка возникают эдипальные агрессивные и разрушительные импульсы, сопровождаемые пугающими фантазиями, которые ребенок направляет на родителей и которые порождают у него тревожные состояния. Кляйн связывала эту комбинацию аффектов с Суперэго, которое появляется не к пятому-шестому году жизни, как результат разрешения эдипова комплекса (по Фрейду), а намного раньше, на первом году жизни, и является лишь одним из многочисленных внутренних объектов индивида.

Также Мелани Кляйн ввела термины параноидно-шизоидной позиции (PS) и депрессивной позиции (D), где достижение депрессивной позиции и является целью психоэмоционального развития индивида и, соответственно, эдипова комплекса. Оно заключается в ослаблении расщепляющих и проективных процессов, которые превалируют на параноидно-шизоидной позиции, а также в движении к интеграции объекта, которое приносит ощущение, что объект не является ни плохим, ни хорошим, но сразу и плохим, и хорошим, как и понимание того, что один и тот же объект и любим, и ненавидим. Принятие этой амбивалентности и является преодолением эдипова комплекса по Кляйн. Позднее последователи Мелани Кляйн, в том числе Уилфред Бион, развили и дополнили ее идеи. Они утверждали, что осцилляция, или «качели», между позициями PS↔D продолжается всю жизнь и доминирование одной из позиций никогда не является полным и постоянным, в том числе и у аналитика. Каждое мгновение индивид каким-то образом обрабатывает свои бессознательные фантазии и тревоги, и в зависимости от того, как он это делает, какие смыслы генерирует, в таком ключе он и меняет свое отношение к внешней реальности. Из этого можно сделать вывод, что, находясь в кляйнианской системе координат, эдипов комплекс разрешить невозможно, так же как невозможно постоянно удерживаться в депрессивной позиции.

Уилфред Бион использовал уже «квантовый микроскоп», и его психоаналитическую теорию метафорически можно сравнить с теорией силового поля или теорией гравитации. Он полностью изменил и переписал версию эдипова комплекса и, соответственно версию того, что происходит в каждом человеке. Эдип Биона – это Эдип интеллектуальный, который является олицетворением интеллектуальной одиссеи каждого человека. В понимании Биона то высокомерие, с которым Эдип стремился раскрыть истину, не останавливаясь ни перед чем, оказалось важнее смертоносной сексуальности, в терминах которой мыслил Зигмунд Фрейд. С точки

зрения Уилфреда Биона, эдипов комплекс не растворяется, не разрешается, не разрушается, а эволюционирует. Результатом прохождения эдипова комплекса по Биону является установление внутри индивида способности справляться с эмоциональной болью, а значит, психический рост и зрелость личности. Бцион писал, что способность справляться с эмоциональной болью, выносить страдания, вырабатывается в течение всей жизни и, в частности, этому способствует психоаналитический тренинг. Так как «основной инструмент психоаналитического метода – это проанализированный ум аналитика», как писал Дональд Мельтцер (Мельтцер, 2021, с. 28), то диапазон работы аналитика с клиентами будет настолько широким, насколько аналитик понимает себя и свои возможности, насколько внимателен к собственной внутренней жизни и готов изучать ее. Так же как шахматист не знает самого лучшего хода в шахматах, так и аналитик не знает, как работать с тем или иным клиентом, потому что всегда работает собой.

Уилфред Бцион считал, что «единственный способ обучиться психоанализу и развиться в качестве аналитика – это пройти личный анализ, чтобы таким образом получить непосредственный аналитический опыт», цитировал Биона Жерар Блендоню (Блендоню, 2019, с. 257). Цель личного тренинга аналитика Бцион видел в том, чтобы аналитик научился анализировать клиента без памяти, без желаний и, главное, без стремления понимать клиента (Симингтон, Симингтон, 2010), а не в том, чтобы он научился механически давать интерпретации тому, что было вытеснено. Рузвельт Кассорла добавлял, что «цель личного анализа по Биону состоит в том, чтобы интуитивная способность аналитика к дримингу заместила рациональное функционирование его мышления» (Cassorla, 2013, p. 234). А так как эмоции занимают центральное место в аналитическом процессе, то аналитик в первую очередь должен постичь их в себе. Несомненно, что размышление об эмоциях также является эмоциональным процессом.

Эдипов театр психоаналитической сессии

Джон Стайнер указал на параллели между зрителем театрального представления и аналитиком, который выслушивает «драму» своего клиента (Steiner, 2020), а также обратил внимание на аристотелевскую теорию катарсиса, центральное место в которой занимают эмоции ужаса и жалости, как ключевые в переживании трагедии. Он предположил, что, когда мы испытываем ужас, мы отождествляем себя с героем пьесы, а когда мы испытываем жалость, мы отказываемся от этой идентификации и наблюдаем за кем-то, кто нам небезразличен, но не является нами.

Чтобы понять пьесу и то влияние, которое она оказывает на нас, мы должны играть обе роли. Это также справедливо в отношении «пьесы» клиента, потому что в рамках психоаналитической сессии аналитик переживает двойную идентичность: и участника этой пьесы, и наблюдателя. Эти два состояния взаимоисключают друг друга: аналитик не может быть одновременно и вовлечен, и отстранен. Вместе с тем, когда аналитик вовлекается, он осознает, что способен наблюдать, а когда выступает

в роли наблюдателя, он знает, что был и снова будет вовлечен. Поскольку ни одна из этих позиций не является устойчивой, подобные «качели» могут приводить аналитика к неверию в собственные силы и служить ему напоминанием о его человеческих слабостях. Эта ситуация может стать настолько реальной, что различия между «пьесой» и реальной жизнью начнут исчезать, или, наоборот, может стать настолько нереальной, что аналитику будет казаться, что переживания клиента не имеют к нему никакого отношения, писала Джули Уолш (*Walsh, 2011*). Джон Стайнер предполагал, что такое двойное отношение – одно в неведении, а другое в знании – отражает внутреннюю ситуацию, в которой и аналитик, и клиент оба знают, что происходит, и в то же время отрицают это знание (*Steiner, 2020*).

В «Царе Эдипе» Софокл приводит классический пример человека, Эдипа, который решил во что бы то ни стало раскрыть правду, и впоследствии это привело к трагедии. Одержав победу над Сфинксом, Эдип, его семья, да и весь город Фивы, закрыли глаза на очевидные для наблюдателя факты и 17 лет жили в иллюзии стабильного процветания, пока чума не нарушила существующее положение вещей (*Steiner, 2020*). Как и самые первые греческие зрители, мы знакомы с этой историей, но мы не всегда осознаем, что у каждого из главных героев трагедии «Царь Эдип» были свои причины уклоняться от реальности и это привело их к негласной договоренности в установлении и поддержании «незнания» фактов. Из этого можно сделать вывод, что каждый из участников пьесы – в какой-то степени Эдип, который стремился узнать истину и не хотел ее знать.

Джон Стайнер писал, что на первый план Софокл вывел конфликт между желанием взглянуть правде в глаза и желанием избежать ее (*Steiner, 2020*). Это, несомненно, один из самых глубоких человеческих конфликтов, с которым приходится сталкиваться каждому индивиду, проходящему психоанализ. Каждый из нас может отождествлять себя с героем, который проявляет такую преданность истине. Но если снова обратиться к Эдипу, то нам придется померить любовь к истине, признать ее жестокость и принять необходимость ее избегания, потому что только это может сделать жизнь сносной. Это означает, что принятие реальности гораздо сложнее, чем простое столкновение с фактами, и для обогащения нашего понимания, а также придания ему большей достоверности, требуются различные видения реальности. Чтобы поддержать клиента, когда он начинает развиваться в соответствии с реальностью, аналитик должен оценить, насколько сложными, многослойными и богатыми являются его собственные отношения с реальностью, писал Джон Стайнер (*Steiner, 2020*). Аналитику необходимо признать, что реальность может быть жестокой, а избегание и иллюзии универсальны, а также то, что их понимание возможно только в более широком контексте, когда учитывается вся ситуация в целом.

В работе «Контрперенос и терапевтические отношения» Роберт Хиншелвуд цитировал Роджера Мани-Кёрл (Хиншелвуд, 2007, с. 96): «...нормальная межличностная вовлеченность имеет место также и в чувствах аналитика. Однако аналитик, к сожалению, не всемогущ.

В особенности понимание отказывает ему тогда, когда проблемы клиента слишком тесно соотносятся с теми сторонами аналитика, которые он еще не научился понимать». Другими словами, в такие моменты пробивается нейрофизиологический щит, как говорил Фрейд (Фрейд, 2019), или возникает эмоциональный резонанс между *O* клиента и *O* аналитика, как говорил Бион (Бион, 2008): эмоции клиента входят в резонанс с такими же эмоциями аналитика, которые не были затронуты в ходе личного анализа аналитика.

Что является реалистическим способом самой примитивной коммуникации, которая происходит между аналитиком и клиентом? Бион считал, что эти двое коммуницируют посредством проективных идентификаций, которые по своей сути являются бессознательными фантазиями о том, каким образом каждый из них (и аналитик, и клиент) коммуницирует со своими внутренними объектами, которые затем проецирует в другого для того, чтобы избежать тревог, связанных с разрушением *self* или с разрушением любимых объектов. Поэтому диада «клиент – аналитик» естественным образом является полем взаимных проективных идентификаций – не только клиент что-то «делает» с аналитиком, но и аналитик что-то «делает» с клиентом.

Более того, коммуникация клиента и аналитика осуществляется через их эдиповы конфигурации, где эдипова конфигурация – это способ организации эмоционального опыта, ментальных состояний и бессознательных желаний индивида. Например, каждый раз, когда аналитик создает интерпретацию, он делает это через собственную эдипову конфигурацию, другого способа ее сделать просто не существует. Кроме того, реальные бессознательные желания аналитика всегда выражают его эдиповы желания в терминах целых и частичных объектов (убить клиента, раскромсать его на куски, сожрать его, как это делают каннибалы, совокупиться, ограбить, жить за счет клиента, как паразит, и так далее). При этом у каждого аналитика одно или несколько желаний преобладают над другими, они и формируют уникальный для каждого аналитика дисбаланс эдиповой конфигурации, когда он сталкивается с ситуацией тревоги в анализе.

Можно сказать, что в рамках поля психоаналитической сессии болезненные эмоциональные переживания и взаимные проективные идентификации его участников формируют метафорический океан «Солярис», или общего «аналитического третьего», как называл это явление Томас Огден (Огден, 2001). «Аналитический третий – это творение аналитика и анализируемого, и в то же время аналитик и анализируемый создаются этим "аналитическим третьим". Нет аналитика, нет анализируемого, и нет анализа в отсутствие этого третьего», – писал Альфонсо Санчес-Медина (*Sánchez-Medina*, 2018, p. 387). Он также утверждал, что аналитический опыт рождается на перекрестке прошлого и настоящего и включает в себя «прошлое», которое создается заново как для клиента, так и для аналитика и в котором невозможно различить, что от клиента, а что от аналитика. А происходит это с помощью накопленного между аналитиком и анализируемым опыта, то есть внутри аналитического третьего. Если взять воду, разложить ее на составляющие (атомы водорода и кислорода) и изучить

по отдельности свойства и водорода, и кислорода, то свойства воды мы не получим. Эта метафора помогает понять феномен аналитического третьего и взглянуть под другим углом на то, что происходит на психоаналитической сессии. То есть уникальный океан «Солярис» формируется не только болезненными эмоциональными переживаниями и проективными идентификациями клиента, но и аналитика.

Бион рекомендовал, чтобы аналитик в рамках психоаналитического процесса стремился к такому ментальному состоянию, которое позволило бы ему быть восприимчивым к психоаналитическому объекту, а для этого он должен опираться на свою психоаналитическую способность (альфа-функцию) (Блендоню, 2019). Примечательно, что психоаналитическая способность аналитика нестабильна, потому что напрямую зависит от взаимодействия с эдиповой конфигурацией аналитика и от ее эволюции. Именно поэтому способности разных аналитиков так различаются, как, впрочем, и способности одного и того же аналитика, в зависимости от ситуации. Размышления о психоаналитическом объекте Бион называл «негативной способностью», которая выражается в способности аналитика пребывать в состоянии неопределенности и сомнений, без навязчивого стремления к фактам и «разуму». Таким образом, Бион видел психоаналитика как личность, которая в рамках психоаналитической сессии, находясь под постоянным давлением клиента, опираясь на собственную альфа-функцию и используя ее, пытается дать рождение психоаналитической функции (альфа-функции) клиента, которая обеспечит клиенту движение от начала вектора под названием «нарциссизм» в направлении конца вектора под названием «социализм».

Если аналитик не способен выдерживать свое незнание и неопределенность, потому что не понимает, что происходит в анализе и что именно приносит ему клиент, если он «тонет» в разбросанных фактах, то он сознательно может прибегать к воспоминаниям о том, что клиент говорил на предыдущих сессиях, рационально стремиться понять факты из материала клиента, апеллировать к известным теориям и классификациям, использовать их как барьеры перед неизвестным, делать все, чтобы избежать эдипова неудовольствия. Это означает, что он минует негативную способность, не в состоянии обрабатывать те эмоциональные переживания, которые «вбрасывает» в него клиент с помощью проективных идентификаций, и хочет избавиться от болезненных эмоциональных переживаний. По существу, аналитик идет на встречу принципу удовольствия и удовлетворяет свои эдиповы желания. Разрядка неудовольствия, которую аналитик совершает в рамках психоаналитической сессии, и есть не что иное, как Эдип аналитика.

Кроме того, аналитик может бессознательно желать, чтобы клиент достиг какого-то результата или «выздоровел», и это также может означать, что аналитик погружен в собственные эдиповы фантазии, а следовательно, блокирует свой дриминг, свою алфаветизацию (Бион, 2019). Довольно часто аналитик может предполагать, что обладает истинным знанием о том, кто такой клиент, или же предпринимать попытки сделать из клиента кого-то понятного ему, аналитику, например посредством

контрпереносной инфантилизации клиента. Это может означать, что в психоаналитическом поле разыгрывается драма скрытого садизма и эдипова триумфа самого аналитика. Также случается, что аналитик сознательно или бессознательно обещает клиенту, что точно выдержит все, что любой ценой примет все проективные идентификации клиента, что сможет иметь дело с его эмоциональной болью, не видя, где проваливается сам. И это, в свою очередь, также может означать, что аналитик сам «заблудился» в своем Эдипе.

Еще одной ловушкой для некоторых аналитиков является их (эдипова) самонадеянность, неадекватная оценка своих сил и способностей и, как следствие, взятие в анализ клиентов, у которых доминирует психотическая часть личности. Такие клиенты часто стремятся к получению от аналитика эффективных формул для удовлетворения желаний в виде материального успеха или для достижения преимуществ в мире, с которым им не удастся справиться с помощью той ментальной экипировки, которая у них имеется. О таких клиентах также говорят, что для них морально только то, что приносит им удовольствие, а Бетти Джозеф называла их «пациентами, которых трудно достичь» (*Joseph, 2003*). В анализе они вырабатывают жесткие защиты, которые можно трактовать как способность улавливать эдипову конфигурацию аналитика, а следовательно, те психические состояния аналитика, которые обнажают его уязвимость, причем до такой степени, что аналитик может оказаться в опасности – будет «парализован». Как правило, такие клиенты прекрасно «знают», что в те моменты, когда аналитик что-то говорит или интерпретирует, он является отдельным, отличным от них человеком, а значит, раскрывает свою эдипову конфигурацию и уязвимость. Тогда они «притягивают» бессознательные эдиповы желания аналитика, исполняют их, и, как следствие, анализ может продолжаться бесконечно, без каких-либо изменений.

Также примерами эдиповой самонадеянности и высокомерия аналитика можно считать отыгрывания. Рузвельт Кассорла предполагал, что перед лицом угрозы катастрофического разрыва аналитического поля, перед так называемым острым отыгрыванием (*acute enactment*), аналитик может обращаться к себе, воображая, что, не осознавая того, он вторгся в аналитическое поле со своими собственными эдиповыми аспектами (*Cassorla, 2013*). Позже аналитик может осознать, что позволил себе стать завербованным аспектами клиента, и тогда он может начать обвинять себя в том, что был глуп и самонадеян. Но, возвращаясь к материалу сессии, аналитик может обнаружить, что он и его клиент были вовлечены в бессознательный хронический стговор (*chronic enactment*), который предшествовал острому отыгрыванию и во время которого любое осознание треугольной реальности было заблокировано.

Кассорла считал, что атаки на восприятие реальности во время хронического стговора зачастую направлены на поддержание в «замороженном» состоянии тех травматических ситуаций аналитика, которые могли быть повторно им пережиты в аналитическом процессе, и что в областях, параллельных хроническому отыгрыванию, альфа-функция аналитика «зашивает» его травматические дыры (*Cassorla, 2013*). Это значит, что только

тогда, когда способность аналитика к дримингу, или его альфа-функция, станет достаточно сильной, хроническое отыгрывание постепенно начнет исчезать из аналитических сессий.

Становится ясно, что глупость, высокомерие и любопытство аналитика, которые имеют место во время хронического сговора, не позволяют ему этот сговор осознать. Уилфред Бион утверждал, что «намек на глупость, высокомерие и любопытство аналитика являются признаками психологической катастрофы» (цит. по: Блендоню, 2019, с. 215). Но проблема состоит в том, что любопытство как неотъемлемая часть психологической катастрофы является также и неотъемлемой частью аналитической сессии. Из этого следует, что акт анализа клиента способствует регрессу не только клиента, но и аналитика и превращает сам анализ в игру. Бион рекомендовал избегать этого явления для того, чтобы анализ был успешным, но как это сделать, он не мог понять сам, писал Жерар Блендоню (Блендоню, 2019). Поэтому регрессия и отыгрывание должны восприниматься как неизбежные в данном процессе и необходима детальная интерпретация как переноса клиента, так и контрпереноса аналитика.

Обычно хронический сговор происходит на бессознательном уровне, и тогда проекция принимает форму отыгрывания, замаскированного под интерпретацию, писала Бетти Джозеф (*Feldman et al.*, 2021). Такие «интерпретативные» отыгрывания впоследствии заставляют аналитика чувствовать вину и затрудняют распознавание того, что происходит на сессии, и того, что транслирует ему клиент. Следовательно, аналитик может столкнуться со сложностями, пытаясь освободиться от тех аспектов взаимодействия, в которых и он, аналитик, и клиент используют конкретную разновидность проективной идентификации. В такие моменты уровень мышления аналитика, по-видимому, ничем не отличается от уровня мышления клиента, предполагал Джон Стайнер (*Steiner*, 2020). Кроме того, принятие аналитиком психоаналитической позиции может вызвать у него слишком много тревоги и слишком сильное чувство вины, чтобы их можно было выдержать, и тогда конкретное мышление будет необходимо аналитику так же, как и его клиенту.

Также не стоит забывать, что большую часть времени аналитик пытается разобраться с проекциями клиента, конкретными или нет, и контейнировать их, а для этого он должен быть способен символизировать. Однако иногда переживания, которые вызывает в нем клиент, могут побудить его «развернуть» в противоположную сторону свою способность к символизации, чтобы преобразовать этот опыт обратно в конкретную проецируемую форму, считал Джон Стайнер (*Steiner*, 2020). Чем более нарушенный клиент, тем более интенсивно он будет эвакуировать поток необработанных бета-элементов в трехмерное пространство аналитика, такое же человеческое и примитивное, как у любого другого человека, а значит, неспособное вместить в себя бесконечную боль и хаос клиента. И чем сильнее такая эвакуация, тем сложнее аналитику будет определить, что именно клиент эвакуирует в него, и тем сильнее будет нарушаться его собственная способность символизировать. Основываясь на концепции «символического уравнения», которую Ханна Сигал разработала в

1950-х годах, Уилфред Бион предположил, что в этих случаях у аналитика будет теряться сама способность образовывать символы и тогда вместо мышления он будет «использовать» конкретные объекты, с которыми можно справиться только с помощью проективной идентификации (Бион, 2008).

Если же посмотреть на эту ситуацию более широко, то можно увидеть, что способность к символизации является необходимым условием для избавления индивида от невыносимых психических переживаний, независимо от того, является ли он клиентом или аналитиком. Без символизации невозможна проективная идентификация и не может функционировать система защит. Если аналитик способен противостоять некоторому давлению, для того чтобы запустить и сохранить способность мыслить, то он сможет распознать важное сообщение, лежащее в основе проекций клиента. И, как следствие, он сможет осознать потребность клиента в проецировании и будет иметь возможность помочь клиенту почувствовать себя понятым.

В лекциях по технике психоанализа Мелани Кляйн предполагала (Стайнер, Кляйн, 2021), что «хороший психоаналитический подход» включает в себя довольно любопытное состояние психики, нетерпеливое и в то же время терпеливое, оторванное от предмета внимания и одновременно полностью поглощенное им. Это требует баланса между различными и часто противоречащими друг другу тенденциями и влечениями, а также хорошей кооперации между различными частями мышления, что, в свою очередь, требует продвижения аналитика по эволюционному пути в терминах его интеллектуального Эдипа. Безусловно, чем большим опытом обладает аналитик, тем более уверенно он себя чувствует, но необходимо помнить, что аналитик всегда подходит к клиенту с точки зрения его собственной эдиповой конфигурации.

Соотнесение фантазий с восприятием реальности

Драма «Царь Эдип» показывает, насколько постижение и принятие реальности сложны, поэтому всегда необходимо принимать во внимание историю, обстоятельства и личности участников аналитического поля для того, чтобы получить более широкое и верное представление об общей ситуации. Рой Шафер, чьи работы исследовал Джон Стайнер (Steiner, 2020), выдвинул гипотезу о том, что восприятие реальности зависит от отношения и состояния психики воспринимающего. Шафер рассматривал четыре основных типа восприятия реальности, которые он условно назвал «комическое, романтическое, трагическое и ироничное видение». Он основывал свои идеи на литературной критике, и предложенные им разновидности восприятия имеют значение за пределами психоаналитической сессии, поскольку относятся к базовому человеческому пониманию и определению того, что значит быть человеком. Для аналитика ценность этого подхода отчасти заключается в том, что понимание разных типов восприятия реальности может помочь ему более четко понять его собственное восприятие реальности.

Рой Шафер утверждал, что и *комическое*, и *романтическое* восприятие реальности имеют много общего с путешествием Эдипа, в котором герой стремился восстановить идеализированное состояние и достичь желаемого результата, не пытаясь понять препятствия, а преодолевая их (Steiner, 2020). В этом смысле эти два вида восприятия поддерживают иллюзию и призывают стремиться к успеху, а не к принятию истины. В психоанализе их можно рассматривать как противоположность истине, но все же они играют важную роль в повышении качества анализа. В конце концов, когда аналитик предпринимает попытки взглянуть в лицо реальности, решающий вопрос заключается в том, является ли терпимым полученный им в результате опыт разочарования.

В отличие от оптимизма комического и романтического восприятия, *трагическое* восприятие придает глубину переживаниям аналитика. В качестве примера можно привести утверждение Мелани Кляйн о том, что глубокое переживание любви возможно только в результате болезненного опыта нападения на хорошие объекты (Стайнер, Кляйн, 2021). Что имеем, не храним, потерявши – плачем, – гласит известная поговорка, которая означает, что мы в полной мере не ценим людей или вещи, пока не сталкиваемся с их потерей. Ключевая роль потери в трагедии может напомнить аналитику о важности времени и реальности смерти. Это означает, что ужасная боль и разочарование от потери идеализированных фантазий являются частью трагического восприятия аналитика (Steiner, 2020). В терминах Фрейда это будет звучать так, что аналитик, делая выбор, всякий раз сталкивается с так называемой «кастрацией» – выбирая одно, он должен отказаться от чего-то другого. И если аналитик способен принять свою «кастрацию», то он будет способен проделать работу горя по любым потерям, которые происходят с ним в рамках психоаналитической сессии.

Принятие во внимание трагического восприятия помогает осознать, что между главным героем, пребывающим в муках отказа от своей иллюзии, и зрительской аудиторией, осознающей реальность, которой главный герой так отчаянно избегает, возникает разрыв. Более того, этот разрыв существует в каждом аналитике, поскольку он по очереди «участвует» в драмах своих клиентов и наблюдает за ними, и вместе с тем этот разрыв также существует и в собственных драмах аналитика, которые он переживает и над которыми размышляет. *Ироничное* восприятие отражает осознание этого разрыва и готовность мириться с обеими точками зрения. Другими словами, ироничное восприятие заключается в том, что аналитик понимает, что все это время он кое-что знал об истине, а также страдает неспособности главного героя видеть истину и содрогается, когда разоблачаются их хронические сговоры и отыгрышания (Steiner, 2020).

Поскольку эти отношения противоречивы, то их невозможно разрешить, и поэтому аналитик должен признать неизбежность и постоянность эдипова конфликта. То, что он хочет как отрицать, так и принимать реальность, является частью его человеческой природы. Поэтому он вынужден справляться с этим противоречием, которое включают в себя также противоречия между субъективным и объективным, символическим и

конкретным, реальным и идеальным и так далее. Тот факт, что аналитик является человеком, означает, что ни позиция вовлеченного участника, ни позиция отстраненного наблюдателя не являются стабильными, и он поочередно переходит из одной в другую. Ироничное восприятие позволяет аналитику полностью погрузиться в повествование клиента, а также отстраниться от него, чтобы частично противоречащие отношения существовали и чтобы разные части мышления аналитика сотрудничали. Тогда он сможет себе позволить активно участвовать в работе с клиентом, не опасаясь чрезмерного увлечения им, и наблюдать за ним с отстраненным скептицизмом, не занимая позиции превосходства, а также помнить, что искажает реальность в стиле собственных бессознательных фантазий (Steiner, 2020).

Подводя итог, можно сказать, что аналитик – это обычный человек, который так же, как и его клиент, воспринимает реальность сквозь призму собственной эдиповой конфигурации. А так как основной инструмент психоаналитического метода – это проанализированный ум аналитика, то аналитик должен критически оценивать, насколько сложными и многослойными являются его собственные отношения с реальностью, а также насколько развита его способность справляться с собственной эмоциональной болью. Безусловно, личный анализ способствует большему пониманию аналитиком себя и своих возможностей, а также эволюции его эдиповой конфигурации, но не является панацеей. Человеческую природу преодолеть невозможно, поэтому психоаналитическая способность (альфа-функция) аналитика никогда не будет стабильной и ему всегда будет сложно выдерживать свое незнание и неопределенность, а также обрабатывать те эмоциональные переживания, которые «вбрасывает» в него клиент с помощью проективных идентификаций. Поэтому аналитик всегда бессознательно будет идти навстречу принципу удовольствия, разряжать давление и удовлетворять свои эдиповы желания тем или иным образом.

Ранний детский опыт аналитика

Карен Марода писала, что если обратить внимание на ранний детский опыт большинства аналитиков, то может обнаружиться, что все они имели схожие обстоятельства и несли огромную ответственность за тех, кто был для них особенно важен (Maroda, 2022). Примечательным является тот факт, что, уже будучи аналитиками, они заново проживают свое прошлое, проходят через боль и удовольствие, если во время психоаналитических сессий сталкиваются с чувствами, которые им до боли знакомы. Кроме того, в анализе они могут предпочитать использовать определенные теоретические подходы и интервенции, которые иногда слишком легко превращаются либо в повторение их собственного прошлого, либо в защиту от переживания этого повторения.

Выбор профессии

Каждый, кто решил стать аналитиком, хотя бы однажды задумывался, что в этом решении есть что-то глубокое и примитивное, что не поддается пониманию. Многие с готовностью признают позитивные и очевидные причины их выбора, например желание помогать другим или заниматься значимым делом. И только некоторые осознают, что психоанализ также удовлетворяет их более глубокие потребности. То же самое верно и для тех теорий и техник, которые они предпочитают использовать в работе с клиентами. Вероятно, что все, что касается того, почему аналитик выбрал эту профессию, в какие психоаналитические теории он верит и как практикует, в значительной степени определяется его собственным ранним детским опытом, предполагала Карен Марода (*Maroda, 2022*).

Причины, по которым аналитик выбрал эту профессию, в основном являются бессознательными (хотя и могут быть осознаны) и исторически игнорируются как предмет для исследования, даже в личном анализе. Хотя некоторые из лучших умов в психоанализе обращались к этой теме, но она почему-то так и не получила развития. Карен Марода полагала, что причины, по которым аналитик выбирает эту профессию, вероятно, во многом связаны с тем, что в детстве он был чувствительным, эмпатичным ребенком, который утешал депрессивную мать (*Maroda, 2022*). Гарольд Сирлз считал, что аналитик приходит в эту профессию в бессознательном стремлении избавиться от чувства вины за то, что не смог «вылечить» своих родителей (*Searles, 1999*). Уилфред Бион писал, что он выбирал профессию из чувства долга перед родителями, потому что чувствовал себя обязанным им (Симингтон, Симингтон, 2010).

Самым важным для аналитика является то, что он, как и его клиенты, всю жизнь несет с собой свои детские переживания. Цель анализа как самого аналитика, так и его клиентов состоит не в том, чтобы переписать историю, а сделать ее более осознанной для того, чтобы решать внутренние конфликты. По мере того как аналитик работает с клиентами, он обязательно прорабатывает свои собственные проблемы, пытается преодолеть чувство вины и стать лучшим человеком, каким только может быть. Как пронизательно заметила Джейн Кайт, личная история аналитика, известная или нет, понятая или нет, имеет отношение к тому, как клиенты воспринимают его (*Kite, 2016*). Она также предположила, что аналитики выбирают эту профессию в первую очередь для того, чтобы прояснить для самих себя, кто они есть с этической точки зрения, таким образом делая попытки искупить вину или спасти себя.

В каком-то смысле самая сильная сторона аналитика – это его потребность помогать другим. Если в начале жизни он был вознагражден за свою необычайную чувствительность и эмпатию, то со временем естественным образом он может распространить эти качества и на выбор профессии. Но эта «встроенная» потребность избавлять других от боли может быть и самой большой его слабостью, поскольку он склонен брать на себя слишком большую ответственность за их страдания. А это, в свою очередь, порождает у аналитика чрезмерное чувство вины в ответ на то,

что его клиенты не справляются, особенно если они обвиняют аналитика в своих страданиях, как это часто бывает. Все усложняет так называемое «желание аналитика видеть страдания другого», и аналитик становится аналитиком, чтобы отчасти доказать себе, что он недеструктивен и что боль в его семье не была его виной. Как писала Андреа Селенза, «умение использовать себя, чтобы помочь другим найти себя, совпадает с нашей собственной насущной потребностью исцелить себя и сделать это, найдя себя в другом» (цит. по: *Maroda*, 2022, p. 7).

Страх навредить

Начиная с наставлений Зигмунда Фрейда о том, что аналитик должен действовать подобно хирургу, и заканчивая современными спорами относительно психоаналитических техник, не теряет своей актуальности тема потенциального вреда, который аналитик может причинить клиенту. С точки зрения Карен Марода, страх причинить вред иногда превышает разумную осторожность аналитика, которая является частью его беспокойства о том, правильно ли он поступает по отношению к клиенту (*Maroda*, 2022). Поскольку большинство аналитиков – это порядочные, трудолюбивые, преданные своему делу профессионалы, возникает резонный вопрос: почему страх навредить настолько распространен?

Гарольд Сирлз предположил, что чувство вины аналитика может являться причиной этого страха (*Searles*, 1999). Неподтвержденные данные указывают на то, что большинство аналитиков имело депрессивных матерей, а значит, все они приобрели высокую чувствительность еще в детстве, оценивая настроение своих матерей. Также они научились ставить свои собственные чувства на второй план по отношению к чувствам других (их матерей в первую очередь), что является еще одним необходимым условием для работы аналитиком. Как известно, предъявление требований в отношениях часто влечет за собой чувство вины и страх причинить вред другому, поэтому ставить другого на первое место – это безопасный вариант, но он неизбежно ведет к подавлению агрессии.

Сосредоточение на нуждах разных людей и развитие тонко настроенной способности мгновенно улавливать настроение другого человека обязательно порождают определенную степень недовольства. Однако выражение этого недовольства противоречит роли «успокоителя» или миротворца, которую бессознательно берет на себя ребенок, и в этом кроется вся проблема. Карен Марода писала, что большинство аналитиков испытывает отвращение к чувству гнева, если они его замечают в себе, и особенно к выражению гнева по отношению к клиентам, потому что это порождает в них иррациональный страх навредить им (*Maroda*, 2022). Это и есть та головоломка «сфинкс», которую им приходится решать.

Если аналитик признает неизбежную (эдипову) амбивалентность по отношению к самому анализу, а зачастую и к клиентам как к личностям, писал в своей статье Натан Кравис (*Kravis*, 2013), то это может дать ему необходимый импульс для развития как в сфере теоретических размышлений, так и практических интервенций. Еще более важным условием

является признанием аналитиком того, что он, как и любой человек, не лишен памяти и желаний. Поэтому, как бы поэтично и привлекательно ни звучала знаменитая фраза Уилфреда Биона («без памяти, без желания и без понимания»), такой подход к анализу является сложно реализуемым. Скорее «рецепт» Биона призван поощрять восприимчивость аналитика, а не отрицать его личные предрассудки и потребности, которые он приносит на каждую сессию. Поэтому, вместо того чтобы стремиться к состоянию отсутствия потребностей и желаний, аналитику было бы полезнее ожидать их наличия и работать над осознанием этих потребностей.

Стремление аналитика преодолеть собственные примитивные чувства обиды, страха, отчаяния, безнадежности может привести его к необходимости отрицать эти чувства или пытаться подавить их. Безусловно, ему гораздо приятнее испытывать глубокие переживания радости, ликования, эмоционального подъема и любви. Кроме того, безоговорочное принятие негативных чувств и поведения клиента, хотя и легче, чем принятие своих собственных, представляет собой нереалистичное желание аналитика иметь идеализированную, любящую мать, а также быть ею, писала Карен Марода (*Maroda, 2022*). «Только после болезненного переживания и принятия собственной истины мы можем освободиться от надежды, что мы все еще можем найти нетребовательного, эмпатичного "родителя" – возможно, в лице клиента, который будет в нашем распоряжении» (*Maroda, 2022, p. 11*).

Тенденция аналитика к пассивности, а не активности

Достаточно часто аналитики испытывают трудности в том, чтобы быть настойчивыми. Например, допускают слишком много словесных оскорблений в свой адрес со стороны клиентов; «закрывают глаза» на просроченные платежи; бессознательно вступают с клиентами в стговор, злоупотребляя длительными периодами молчания; продляют сессии; слишком долго «удерживают» клиентов в анализе и так далее. Они аргументируют это предполагаемой уязвимостью клиента, страхом ранить его чувства, спровоцировать суицидальный эпизод или вовсе потерять клиента. У некоторых даже есть убеждение, что без способности идти на конкретные уступки клиентам они будут неполноценны в роли аналитика.

Карен Марода полагала, что такая бескорыстность аналитика обусловлена чувством вины и стыда за то, что его собственные нарциссические потребности удовлетворяются клиентами в ходе психоаналитических сессий (*Maroda, 2022*). И эта бескорыстность, бессознательно направленная на компенсацию удовлетворения, увы, не приносит пользу. С другой стороны, теория, рожденная из отрицания удовлетворения аналитика, часто фокусируется на преодолении человеческой природы, а не на принятии. Более того, чувство вины аналитика, происходящее из ответственности за страдания своей матери (значимого взрослого в детстве), порождает поведение, основанное на чувстве вины, и у его клиентов. Но если аналитик чувствует себя настолько виноватыми и ответственными, почему он не мотивирован быть более проактивным и креативным?

Вероятно, что ответ кроется в раннем детском опыте аналитика. В детстве никто не имел реальной власти над родителями, но если ребенок был идентифицирован как эмпатичный и чувствительный, а затем «зачислен» в качестве семейного терапевта, то, по сути, он чувствовал огромную ответственность, не имея практически никакой власти над событиями или поведением других людей. Все, что он мог сделать, – это каким-то образом реагировать на ситуации, которые возникают, а затем предпринимать все возможные усилия, чтобы успокаивать, относиться с эмпатией или даже развлекать участников этих ситуаций. Но он не мог изменить сценария, который разворачивался на его глазах, и любая попытка указать родителю на его неадекватное поведение, вероятно, приводила к отторжению или дополнительным страданиям, которые ребенок точно не мог вынести.

Недавняя статья Мэри-Джоан Герсон «Смерть родителя: открытия в конце» (Gerson, 2018), в которой она писала о потере аналитиками родителя(ей), вызвала неожиданно бурное обсуждение в профессиональном сообществе. Аналитики откликнулись и говорили о той боли, через которую они прошли в детстве, о страданиях, которые пережили, и о своей амбивалентности по отношению к родителям, живым и мертвым. Эта статья получила такой живой отклик, вероятно, потому, что среди аналитиков не принято раскрывать свои амбивалентные чувства к родителям и, как следствие, осознавать то, что они не одиноки. Судя по всему, многое определяется дизайном психоаналитических тренингов и конференций, где не поощряется диалог о ранних детских конфликтах аналитиков, проходящих обучение, и не уделяется должного внимания тому, как ранний опыт аналитика может определять его отношение к себе и к клиентам. «Наши "слепые пятна" обусловлены нашими собственными историями, а также нашим местом в истории и культуре», – писала Карен Марода (Maroda, 2022, p. 14).

Другая перспектива на взаимность

Тему удовлетворения нарциссических потребностей аналитика можно рассмотреть и с другой перспективы, не как тему вины и стыда, а как тему творческого переживания своего опыта. Исходя из этого, аналитик должен брать в работу только тех клиентов, которые ему интересны. Если клиент не вызывает в аналитике определенную степень «позитивного переноса», то аналитик не будет способен его анализировать. Почти все теории, которые существуют в современном психоанализе, признают, что психоанализ и психоаналитическая психотерапия – это не просто отношения, но, в случае успеха, это отношения, которые подразумевают последовательное взаимное эмоциональное вовлечение и аналитика, и клиента.

Терапевтические отношения и техники «постоянно взаимодействуют и влияют друг на друга», пишет Карен Марода, цитируя Марвина Голдфрида и Джоан Давила (Maroda, 2022, p. 14). Если же аналитик избегает двунаправленной коммуникации и чувствует ответственность за то,

чтобы сосредоточиться на потребностях клиента, «забывая» о своих собственных, то продвижение в анализе будет происходить мучительно медленно. Лучший аналитик для клиента – это тот аналитик, который может наиболее свободно воспринимать как психическую реальность клиента, так и свою собственную. Вот почему анализ клиентов, с которыми аналитик не может эмоционально взаимодействовать, безнадежен и неэтичен.

Принятие аналитиком собственной мотивации

Принятие аналитиком его собственных мотивов изучать психоанализ, которые берут начало в его детстве, и особенно нарциссических потребностей, а также чувства вины, может способствовать максимизации наиболее здоровых аспектов этих феноменов в ситуации анализа, и тогда аналитик может открыто думать и говорить о том, что он нужен своим клиентам. Признание аналитиком того, как эта работа помогает ему не только найти себя, но также сохранить и трансформировать, очень важно для того, чтобы он делал эту работу хорошо. Карен Марода считала, что анализ того, почему аналитик стал аналитиком, что именно он ищет как личность и от чего получает удовлетворение в процессе анализа, а также в чем заключаются его ограничения и предубеждения, сформированные в детстве, может открыть совершенно новые перспективы для работы с клиентами (Maroda, 2022).

Также Марода указала на то, что бессознательные дисфункциональные мотивы аналитика выбрать эту профессию, например вуайеристические тенденции, потребность во власти, могут сосуществовать наряду с такими мотивами, как забота и альтруизм (Maroda, 2022). Проблема не в том, что аналитик пытается скрыть свою деструктивность и притворяется хорошим, а в том, насколько он заинтересован быть хорошим для других, а также в том, насколько ему сложно взглянуть на собственные человеческие недостатки и желания. И самое главное, насколько сложно взглянуть правде в глаза, или, другими словами, его переживания интеллектуального Эдипа интегрированы в теории и техники, которым он следует.

Личность аналитика

Необходимо также обратить внимание на то, что за более чем 120 лет существования психоанализа аналитик изменил свое «лицо»: всезнающего, авторитарного, прекрасно анализирующего и объективного фрейдистского аналитика заменила добрая «мать» с бесконечным терпением и способностью к холдингу клиента. Эдгар Левенсон в своей работе «Загадки переноса» писал: «Сегодняшний акцент на превратностях материнства, особенно в том виде, в котором оно было описано в теориях привязанности, отражает эволюцию культуры: от патриархальной, ориентированной на эдипов конфликт и зависть мира, в которой я вырос и стал аналитиком, к матриархальной, воспитывающей, в которой материнство и эмпатия являются привилегированными» (Levenson, 2009, p. 164).

В период, когда Левенсон проходил психоаналитический тренинг, большинство аналитиков были мужчинами, белыми врачами-евреями, а аналитики-женщины еще не успели войти в профессиональное сообщество. Это был традиционно мужской мир, в котором аналитики ассоциировались с садистами, «мучавшими» своих клиентов сочетанием нежелательных интерпретаций, чрезмерным молчанием и отказом признавать реальность клиента. Сегодня среди аналитиков, их учителей и супервизоров стало неоспоримо больше женщин, чем мужчин. Аналитики-женщины в большинстве своем имеют не медицинское, а гуманитарное образование, что еще раз свидетельствует об изменении эмоционального и культурного ландшафта психоанализа, который повлиял на аналитическую теорию и практику. Даже если взглянуть на программы аналитических конференций, которые проводились последние 20 лет, то и в них можно увидеть поразительный сдвиг в перспективе – основное внимание теперь уделяется культуре, полу, расе и классу (Maroda, 2022).

Считается, что аналитики-женщины естественным образом создают «холдинговую среду», более озабочены взаимоотношениями в диаде «клиент – аналитик», а также более чувствительны к агрессивным нападениям и критике со стороны клиентов, чем аналитики-мужчины. Вопрос заключается в том, в какой степени сопротивление против высокомерного, грандиозного стереотипа классического аналитика породило новое поколение тех аналитиков, кто склонен быть щедрым и добрым и в некоторой степени мазохистическим? Стал ли новый аналитический идеал примером бесконечных самопожертвований и неприхотливости? И в какой степени этот идеал представляет собой формирование реакции на старый идеал?

Как бы там ни было, аналитик как «достаточно хорошая мать» пришел на смену аналитику как «арбитру реальности» и является спутником клиента на пути к самосознанию, не обладая, похоже, ни обязанностью, ни способностью направлять аналитический процесс. Нигде этот акцент на «незнании» аналитика не проявляется так явно, как в популярном в настоящее время отыгрывании, писала Карен Марода (Maroda, 2022). Это не означает, что аналитик не вовлечен и не работает над пониманием клиента и процесса; скорее это утверждение отражает переход от знания и авторитета аналитика к позиции «незнания». Возведение «незнания» на пьедестал опирается на убеждение в том, что аналитик обладает очень ограниченными возможностями для осознания того, что чувствует он сам или чувствует его клиент. С другой стороны, то, что начиналось как похвальный отказ от всезнающего аналитика в пользу более скромного осознания аналитиком своих ограничений, сейчас стало настолько всеобъемлющим, что лишает аналитиков возможности претендовать на какое-либо реальное знание или авторитет.

Джон Миллс выступал за более гибкий подход к аналитическому знанию и авторитету (Mills, 2017). С его точки зрения, «знание» стало синонимом высокомерия, а «незнание» предполагает большую готовность к открытиям (эта идея также занимает центральное место в буддизме). Но одной эмпатической позиции аналитика недостаточно, и, несмотря на то

что некоторые клиенты нуждаются в минимальном руководстве и даже предпочитают, чтобы их оставили в покое, большинству все же необходимо постоянное мягкое «зондирование», интерпретации и конфронтации.

Подводя итог, можно сказать, что становится понятно, каким образом люди и та культура, из которой они пришли, повлияли на формирование психоаналитической теории и практики на протяжении последнего столетия. Самым важным является признание факта того, что и теоретические основы, и аналитические техники, а также их непрерывное развитие берут свое начало в бессознательном тех людей, которые их создают. Более того, мотивы, которые побуждают людей становиться теоретиками и практикующими аналитиками, уходят корнями в их ранний детский опыт. Это проливает свет на причины страха навредить клиенту и на пассивность аналитика, а также показывает другую перспективу на взаимность в диаде «клиент – аналитик». Осознание аналитиком своих переживаний и вытекающих из них потребностей, а также признание собственных мотивов могут способствовать как личной трансформации аналитиков, так и эволюции психоаналитических теорий и техник.

Нарциссическая уязвимость аналитика

Джудит Чузед утверждала, что для того, чтобы быть эффективным аналитиком, необходимо быть уязвимым (*Chused, 2012*). Аналитик – это обычный человек, и для него чувствовать себя уязвимым, незащищенным, обиженным, разочарованным, обескураженным и даже униженным так же неизбежно, как и испытывать радость или эмоциональное ликование. Было много дискуссий по поводу того, являются ли аналитики более нарциссически уязвимыми, чем представители других профессий. Карен Марода считает, что это не так, но отмечает, что нарциссические потребности аналитика могут представлять собой значительные препятствия для его эффективной работы с клиентами (*Maroda, 2022*). С другой стороны, если аналитик отрицает свои нарциссические потребности, то это отрицание препятствует осознанию того, как и когда они мешают процессу анализа.

Употребление и злоупотребление термином «нарциссизм»

Где находятся истоки уязвимости и нарциссических потребностей аналитика? В какой степени аналитик демонстрирует здоровый и нездоровый нарциссизм? Если нарциссическая уязвимость неизбежна в силу того, что аналитик – это обычный человек, то как с него снять клеймо уязвимости и открыть возможности для изучения этого вопроса? Как отказаться от обвинений аналитика в патологическом нарциссизме, что так распространено в психоаналитических сообществах, и заменить их идеями о том, что ранний детский опыт аналитика может обуславливать определенные типы уязвимости? Как отмечают многие авторы, например Ирвин Хирш (*Hirsch, 2014*), за последние четыре десятилетия термины «нарциссизм» и «нарциссический» стали достаточно перегруженными.

Даже в рамках профессии термин «нарциссизм» теперь легко используется как уничижительный ярлык, а не как термин, который описывает конкретную область (области) уязвимости. Едва ли большинство аналитиков подходят под язвительное описание нарциссизма, в котором речь идет о грандиозности, специфических защитах, отсутствии эмпатии и самоанализа. И даже более упрощенные суждения о нарциссизме не отдают должного той сложности характера аналитика, которая допускает существование как доброты и эмпатии, так и приступов защитной зависти, стремления к власти и потребности быть особенным.

Вероятно, более уместно говорить о концепции «нарциссической уязвимости» и «нарциссической травмы», которую можно применять как в отношении клиентов, так и в отношении аналитиков. Ведь не секрет, что все люди уязвимы в той или иной степени – чувствительны к критике, отсутствию интереса или одобрения со стороны значимых людей, а также все страдают от посягательств на их самооценку. По всей видимости, эти концепции можно использовать для более точного описания тех областей, в которых аналитик наиболее подвержен ударам по самооценке, а также для определения обстоятельств, при которых эти удары были нанесены, без навешивания оскорбительных ярлыков. В образе идеального аналитика исторически приуменьшалась его уязвимость, как будто аналитик не может быть уязвимым, потому что это больно и стыдно, как и не может демонстрировать защитные реакции, которые возникают в результате этой уязвимости. Признание того, что аналитик можем быть уязвимым, что он уязвим и что он регулярно испытывает боль и смущение и его защиты являются естественными, присущими каждому человеку, может избавить аналитика от необходимости отрицать эти чувства. Проблема состоит в том, что идеальный образ аналитика настолько нереалистичен, что *аналитики склонны чувствовать себя защищающимися из-за того, что они защищаются*, а переживание ими чувства угрозы и активизирующиеся защиты, в свою очередь, становятся их дополнительными неприемлемыми недостатками.

Если аналитик занимает такую позицию, то у него остается мало места для маневра. Вдобавок, если он воспринимает жалобы и критику клиента в свой адрес вполне серьезно, а не списывает их на перенос, то он становится еще более уязвимым, писал Ирвин Хирш (*Hirsch, 2014*). Иногда создается впечатление, что аналитик забывает о том, что клиент приходит к нему со своей собственной историей, которую он разыгрывает с большими или меньшими искажениями. Как аналитик справляется с этими двумя реальностями? Во-первых, оба участника аналитической диады начинают аналитические отношения, в которых каждый имеет свою собственную эдипову конфигурацию и давно устоявшиеся способы восприятия и эмоционального переживания картины мира. А, во-вторых, в идеале они создают между собой нечто новое, трансформирующее. Поэтому в интересах серьезного отношения к клиенту и открытости к его критике в адрес аналитика аналитику не рекомендуется рассматривать нарративы клиента как искажения и тем более как откровенные выдумки.

В аналитическом мире неприемлемо обвинять клиента в реакциях аналитика, и это всеми приветствуется. Но, похоже, что без новой парадигмы, которая в достаточной степени учитывала бы искажения как клиента, так и аналитика, не удастся управлять их отношениями таким образом, чтобы признать как здоровые, так и нездоровые аспекты, возникающие в диаде «клиент – аналитик». В книге «Уязвимость аналитика» (Maroda, 2022) Карен Марода задалась вопросом: как часто аналитик справляется с собственными негативными реакциями, каждый раз используя новую версию «клиент заставил меня это сделать» и объясняя свое поведение якобы неизбежным отыгрыванием? Не заходит ли он слишком далеко, позволяя себе и своим клиентам «спускать с рук» нездоровое или сомнительное в отношении морали поведение, объясняя его бессознательными повторениями? Нежелание аналитика диагностировать или классифицировать межличностные и внутриспсихические дилеммы своих клиентов, равно как и его собственные, оставляет его в серой зоне незнания. А поскольку навешивание ярлыков любого рода часто воспринимается как уничижительное, что остается делать аналитику в плане признания своих собственных негативных чувств, намерений или действий? Получается, что в итоге никто не несет ответственности за свое поведение.

Карен Марода утверждала, что, хотя литература и изобилует историями случаев отыгрывания, включая ссылки на личные проблемы аналитика, в ней практически не обсуждаются реальные терапевтические ошибки, не говоря уже о недостатках характера аналитика (Maroda, 2022). Марода писала это, предполагая, что все ошибаются и что ошибки, если их признать, часто могут превратиться в терапевтические инструменты. Она призывала начинающих аналитиков принять тот факт, что они будут совершать ошибки каждый день, поэтому они должны быть открытыми к тому, чтобы видеть и признавать эти ошибки как естественную часть работы аналитика. Больше всего ее беспокоили ошибки, которые аналитики совершают регулярно, а также слепые пятна, которые они игнорируют, защищая себя от нарциссической травмы или внутреннего конфликта, вызывающего у них чувство вины.

По этому поводу Натан Кравис размышлял: «Поскольку клиническая аналитическая работа представляет собой почти безграничные возможности для нарциссической травмы аналитика, следует ожидать мобилизации всего спектра нарциссических защит аналитика, как на индивидуальном уровне, так и на коллективном, в профессиональных сообществах» (Kravis, 2013, p. 92). Из этого следует, что программы психоаналитического тренинга должны уделять больше внимания тому, о чем говорит Натан Кравис (Kravis, 2013). С самого начала обучения будущие аналитики должны усвоить, что дело не в том, бывают ли они уязвимы, а в том, как и когда они бывают уязвимы и что они могут сделать для того, чтобы более конструктивным образом управлять своим потенциальным высокомерием, а также чрезмерным чувством вины и стыда. Уязвимость – это состояние человека. Аналитическое Я просто не может быть настолько

ригидным, чтобы аналитик предполагал, что может преодолеть свою человеческую природу.

Так же и при контрпереносе у каждого из аналитиков есть свой паттерн реагирования – эдипова конфигурация, которую он может идентифицировать, отслеживать и иметь в виду при проведении анализа. На самом деле быть уязвимым – это задача не из простых и неизбежно приводит к некоторой травме. Термин уязвимый означает «восприимчивый к травме», и аналитик, который отказывается от свойственных ему характерологических защит, обнажает себя для разного рода травм: «от незначительного переживания стыда и отвержения до прямых личных нападков и потенциально разрушительного опыта», писала Карен Марода (*Maroda, 2022, p. 69*). Кроме того, Карен Марода утверждала, что не может вспомнить ни одного случая, чтобы кто-нибудь в процессе ее обучения сказал ей, что в работе с клиентами следует ожидать уязвимости и боли, не говоря уже о том, как научиться с ними справляться. Если бы она знала, что будет бесконечное количество раз повторять с клиентами свое собственное детство и что ей нужно понимать, как и почему она уязвима, то это знание пошло бы на пользу не только ей самой, но и ее клиентам. Обучение выявлению собственных паттернов контрпереносного реагирования значительно бы ускорило этот процесс (*Maroda, 2022*).

Отрицание аналитиком своей уязвимости

В какой степени отрицание аналитиком того, что ему больно «от рук» его клиентов, является следствием потребности отрицать боль «от рук» его родителей? Чувствовал ли он себя неудачником, когда не мог вывести родителя из депрессивного состояния? Чувствовал ли он себя неполноценным, когда его обязанности «сиделки» казались ему неподъемными и он страдал потому, что несет их? Чувствовал ли он себя эгоистом, когда хотел, чтобы его собственные потребности были превыше всего? Ответы на эти вопросы могут частично объяснить нежелание аналитика признать, что у него есть определенные потребности, которые должны быть каким-то образом удовлетворены.

Каждому аналитику стоит ответить на вопрос: испытывает ли он высокомерие или чувствует себя униженным, когда его критикуют? Возможно, аналитики могут казаться более нарциссичными, потому что процесс анализа обязательно обнажает их уязвимость и, как следствие, провоцирует переживание стыда. Аналитики – это не хирурги, которые орудуют скальпелями. Их инструменты – это эмпатические способности, любопытство, способность наблюдать, дриминговать и готовность конфронтировать как клиентов, так и самих себя. Действительно, может казаться, что многие аналитики ищут подтверждения и привязанности, возможно, даже идеализации от своих клиентов. Тем не менее они также обладают сильным желанием понимать других и сопереживать им – это те черты, которые не присущи патологическим нарциссам.

Мартин Фроммер высказывался относительно пристального внимания аналитика к уязвимости клиента без учета собственной уязвимости

следующим образом: «Парадокс заключается в том, что, аналитическая работа имеет дело по сути с человеческими страданиями, ограничениями и потерями, и источником этих страданий всегда является клиент и никогда – аналитик. Несмотря на то что мы раскрываем болезненную человечность наших клиентов, мы не любим раскрывать нашу собственную человечность» (Frommer, 2013, p. 56). Такое отношение мешает в должной мере понять, какие виды уязвимости могут возникать в связи с тем, кем является аналитик и какую работу он выполняет.

Также вероятно, что по мере улучшения состояния клиентов аналитик может испытывать контртрансферентную потребность делать их снова «больными», таким образом пытаюсь сохранить их, а также пытаюсь вернуться к собственной потребности в их исцелении. Несомненно, в этом есть доля истины, считал Мартин Фроммер (Frommer, 2013). Но что, если этот цикл «улучшения качества жизни клиентов, после чего они снова заболевают», также является естественным ритмом прогресса самого аналитика, углубления и перехода к новым проблемам или аспектам старых проблем, которые необходимо решить? Это не является новостью для любого опытного аналитика, утверждал Фроммер (Frommer, 2013). Но опять же, существует несоответствие между тем, что аналитик интеллектуально осознает, и тем, что он чувствует в периоды, когда клиент отдаляется, злится или критикует. Тогда возникает вопрос: в какой степени потребность аналитика сохранять связь и быть полезным мешает клиенту в те периоды, когда он чувствует себя более «собранным» и независимым от аналитика? Не препятствует ли акцент на привязанности и сонастройке, который делает аналитик, проявлению самостоятельности как самого аналитика, так и его клиента?

Потребность аналитика быть особенным

Несомненно, существует особый тип нарциссизма, который связан именно с психоаналитической деятельностью. Он проявляется в повышенной значимости, которую испытывает аналитик и которая уходит корнями в его детство, когда он был «нянькой» и «миротворцем» для значимых взрослых. По мнению Карен Марода, в дополнение к глубокой потребности в близости у аналитика также есть потребность чувствовать себя особенным, которая повторяет его детский опыт. Даже если аналитик чувствовал себя лишенным возможности просто быть ребенком, он действительно верил, что может сохранить семью, благодаря высокому уровню эмпатии и эмоциональной чувствительности (Maroda, 2022).

Принятие на себя этой непосильной и невыполнимой задачи, которую он не мог осознать в детстве как таковую, породило в нем самые высокие ожидания от себя самого, которые теперь преследуют всю жизнь. Его неспособность оправдать нереалистичные ожидания – это и есть описание того, что такое стыд. Таким образом, когда клиенты считают, что аналитик не выдерживает критики, или обвиняют его в некомпетентности или недостатке заботы, защитный стыд аналитика легко мобилизуется. Эллен Пински называла «олимпийским заблуждением» потребность

аналитика в том, чтобы его идеализировал клиент (*Pinsky, 2011*). Это заблуждение, даже если оно и не имеет никаких других пагубных последствий для клиента, в какой-то мере блокирует его разочарование в аналитике, которое должно являться частью процесса горевания, включающего принятие аналитика как обычного человека с его недостатками и ограничениями. «Действительно, только несовершенный, стремящийся к совершенству смертный может предложить клиенту необходимое внимание и нейтральность. Бог или машина не подойдут» (*Pinsky, 2011, p. 367*).

Если аналитик в детском возрасте был «призван» взять на себя большую ответственность за значимых взрослых, то, скорее всего, он также занимал особое место в его родной семье. В нем нуждались и к нему обращались в трудные минуты. В каком-то смысле он был избранным. Эллен Пински считала, что аналитик сильно мотивирован воссоздать этот особый статус по отношению к его клиентам, чтобы подтвердить ценность собственной жертвы и уникальных способностей (*Pinsky, 2011*). Вероятно, что Пински была права. Многие аналитики с готовностью признают, что быть важными для клиентов – это один из самых приятных аспектов их работы. В какой-то степени это объясняет как их особенную уязвимость к тому, что клиенты считают их неумелыми, так и чрезмерную гордость за достижения клиентов.

Необходимо помнить, что то, что аналитик находит впечатляющим в своих клиентах, например славу, власть, силу, интеллект, богатство, престиж, талант, творчество, способности, сексуальность, молодость и так далее, имеет особую привлекательность лишь для отдельно взятого аналитика. Это объясняется тем, что впечатляющим клиент становится именно благодаря соответствующим потребностям самого аналитика, писала Карен Марода (*Maroda, 2022*). Также она отмечала, что аналитика могут привлекать клиенты, которые отражают его собственные темные наклонности, поскольку он стремится объединить эти наклонности с потребностью быть хорошим человеком. В этом отношении аналитик не так уж сильно отличается от других людей и у него есть потребность прояснить те последствия, которые повлечет за собой повторное переживание им прошлого опыта в идиосинкразическом контексте анализа.

Способность аналитика к сопереживанию и к искренней заботе явно заложена в его эмоциональной чувствительности и способности к близости. Это неизбежно делает его уязвимым. Если он сможет принять разумную степень собственной уязвимости как критически важную для человеческой связи, даже если она будет приводить к ошибкам в анализе, возможно, он лучше подготовит себя к работе с клиентами. Но уязвимость аналитика, необходимая ему для достижения и поддержания эмоциональной вовлеченности, может противоречить его идеализированному образу. Если он считает себя волшебным целителем, хорошей матерью, а не плохой, то как ему принимать критику, не защищаясь? Как ему справиться с собственным аффектом, когда он возникает? Как и когда ему сказать о том, что ему больно? И еще более сложный вопрос: как аналитик может позволить себе быть уязвимым, если он воспринимает клиента как критикующего, который делает это с единственной целью – заставить

аналитика заново пережить опыт отвержения, разрушения и даже унижения?

Можно задаться вопросом, насколько эволюция аналитической теории и практики за последние два десятилетия повлияла на кажущуюся склонность аналитиков винить себя в том, что их клиенты не улучшаются. Несколько десятилетий назад классические аналитики не задавали себе подобных вопросов при представлении трудных случаев анализа. Карен Марода писала, что аналитик часто взаимодействует с клиентами, либо исходя из собственной потребности жертвовать и спасти их, либо защищаясь от любого представления о том, что он поступает с ними неправильно. Идеальная позиция, конечно, заключается в том, чтобы не потакать собственной потребности исцелять клиентов и не защищаться от нее, а скорее осознавать эти чувства, чтобы они могли направлять действия аналитика (Maroda, 2022). «В конце концов, способность сливаться с бессознательным без принуждения к этому или принуждения избегать этого – это здоровая нарциссическая функция» (Maroda, 2022, p. 75).

Здоровый нарциссизм аналитика

Можно ли говорить о естественности желаний аналитика? Похоже, что дискомфорт, связанный с позицией, в которой у аналитика есть желания, обусловлен тесной связью между понятиями «желание» и «нарциссизм». Другими словами, желание слишком сильно похоже на корысть. Хотя, если сместить акценты с эксплуататорского потворства своим желаниям на здоровую аналитическую корысть, то можно выиграть. По сути, нарциссизм является существенным аспектом многих самых положительных черт аналитика. Хайнц Кохут в работе «Анализ самости» отмечал (Кохут, 2017а), что нарциссизм протекает по континууму и не является по своей сути нездоровым, поскольку нарциссические стремления позволяют индивиду верить в себя и свои способности, а также полагаться на других во время стресса или когда это потребуется. Этому вторит Джудит Чусед в своей статье «Нарциссизм аналитика» (Chused, 2012, p. 912): «Для меня здоровый нарциссизм – это наличие чувства собственного достоинства, которое может выдержать удары неудач и отвержений, не прибегая к грандиозности, паранойе или проекции».

Многие авторы постулируют, что здоровый нарциссизм означает то, что индивид в достаточной степени осознает свою детскую потребность быть спасенным, чтобы использовать сублимацию, а не формировать реакцию в качестве защитного механизма. Аналитик также может сублимировать свою потребность быть особенным и идеализированным с помощью эффективной аналитической работы, которая приносит искреннюю благодарность и уважение клиента. Другими словами, аналитик может удовлетворять потребность быть особенным благодаря собственной клинической проницательности, а не посредством укрепления своего хрупкого Я, которое нуждается в постоянном подтверждении, независимо от того, нужно это или нет, писала Карен Марода (Maroda, 2022). Если аналитик будет более полно осознавать свои потребности в целом, это может

способствовать уменьшению его нужды удовлетворять свои нарциссические потребности в рамках работы с клиентами. В профессиональной сфере он может писать, выступать с докладами, руководить, наставлять, супервизировать и так далее, эти формы удовлетворения также могут способствовать минимизации того, что аналитику нужно от его клиентов. То же самое можно сказать и о личных отношениях аналитика. Но, несмотря ни на что, в каждом из аналитиков всегда будет оставаться более глубокая, примитивная потребность в одобрении со стороны клиентов, которую внешнее удовлетворение не сможет заменить.

Концепция здорового нарциссизма и удовлетворения потребностей аналитика, вероятно, сильно недооценена в профессии, и обсуждение этих вопросов практически не ведется в психоаналитических сообществах. Такой настрой, вероятно, обуславливает и нежелание дискутировать о технике, потому что в этом случае потребности аналитика станут существенным элементом обсуждения того, что происходит в диаде «клиент – аналитик». Более того, на момент написания этой статьи, обзоры литературы о потребностях и уязвимости аналитика являются более чем скудными. Карен Марода добавляла, что, «несмотря на то что эти вопросы становятся все более популярными, относительный недостаток литературы на эту тему отчасти объясняется тем, насколько некомфортно мы себя чувствуем» (Maroda, 2022, p. 77).

Подводя итог, можно сказать, что в психоанализе существует нетронутая, в некоторой степени даже избегаемая, область для исследований, которая связана с нарциссической уязвимостью аналитика. Создается впечатление, что под давлением образа идеально проанализированного аналитика не остается места для уязвимости, которая естественным образом возникает в результате эмоциональной вовлеченности в диаде «клиент – аналитик». Вероятно, поэтому многие аналитики склонны чрезмерно винить себя, если процесс анализа заходит в тупик или не удастся, либо защищаться от нападков Суперэго, убеждая себя в том, что все, что они делают, приемлемо или даже желательно, что «все перемелется и будет мука». Понимание аналитиком того, где берут начало его нереалистичные ожидания от самого себя, а также того, как проявляется его здоровый нарциссизм, могут помочь ему принять как свои собственные человеческие недостатки и ограничения, так и недостатки своих клиентов. Это также может способствовать тому, что аналитик будет выше ценить свои природные эмпатические способности, любопытство, способность наблюдать, дриминговать и другие качества, которые служат ему и его клиентам. Кроме того, вероятно, это может помочь решить проблему, которая заключается даже не в универсальной тенденции занижать или завышать свою самооценку, а в необходимости отстаивать эту позицию.

Заключение

Несмотря на то что психоаналитические школы по-разному трактуют эдипов комплекс, существует также и нечто, в чем их мнения сходятся, а именно то, что все мы имеем родителей (реальных или сфантазированных)

и что у каждого из нас есть предрасположенность быть страстным, агрессивным, нарциссическим индивидуумом, как утверждал Андре Грин (2020), вторя Зигмунду Фрейду. В этом же ключе мыслил и Уилфред Бион, который добавлял, что все мы любопытны по своей природе (Бион, 2008). А Зигмунд Фрейд, в свою очередь, отмечал, что мы все рождаемся преждевременно и это преждевременное рождение делает человеческого ребенка полностью зависимым от взрослых, которые заботятся о нем в течение долгих лет (Фрейд, 2019). С одной стороны, этот факт благоприятствует созданию аффективных связей и психосоциальному развитию ребенка; а другой стороны, подвергает ребенка бесчисленным вызовам и интенсивным конфликтам именно потому, что от рождения он является существом, которое любит, ненавидит, любопытно и так далее.

Критическими моментами этих конфликтов являются противостояние и борьба со следующими основополагающими реалиями или фактами жизни, как навала их Мелани Кляйн (*Hartke, 2016*): 1) с фактом отдельного существования другого объекта (матери или замещающего ее взрослого), от которого зависит ребенок; и 2) с фактом существования особых, эксклюзивных сексуальных отношений между родителями, из которых ребенок исключен и не имеет возможности в них участвовать, что, в свою очередь, подразумевает необходимость признания им разницы полов и поколений. Психические реакции и структуры, которые возникают в результате конфронтации с этими реалиями, проистекают из взаимодействия особых характеристик ребенка с характеристиками взрослых, от которых он зависит, другими словами, из специфического контекста их отношений в треугольнике «мать – дитя – отец».

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что ранний детский опыт любого человека играет основополагающую роль в его жизни, структурирует внутреннюю психическую реальность, определяет мышление и уязвимость. Потoki эмоциональных переживаний, которые возникают в треугольных отношениях между ребенком и его родителями, описывают эдипову конфигурацию этого ребенка и буквально «прошивают» его психику. Это означает, что с самого раннего возраста каждый человек рассматривает все события мира через эдипову призму просто потому, что другой у него нет. Каждый, вне зависимости от пола и возраста, хочет быть единственным и уникальным. Каждый сравнивает себя с другими и жаждет авторитета. Каждому не чужды ревность, жадность и зависть. Каждый чувствует себя исключенным и ненужным, хочет избавиться от этих переживаний, чтобы их чувствовал кто-то другой, а не он сам.

Аналитик, как и его клиент, через всю жизнь пронесет свои ранние переживания и мотивы, всю жизнь ищет ответы на вопросы интеллектуального Эдипа. То, как гении психоаналитической мысли создавали и развивали свои психоаналитические теории и техники, как объясняли устройство мира, – это то, как они объясняли самих себя. Хорошо известен тот факт, что в бессознательном человека нет ничего, что связано с его желанием быть аналитиком. И только ранний детский опыт может пролить свет на то, почему человек выбрал именно эту профессию, а также на его

уязвимость. Кроме того, ранний детский опыт аналитика дает возможность посмотреть под иным углом на причины страха аналитика навредить клиентам; на его тенденцию к пассивности, а не активности; на его амбивалентность по отношению к техникам. Более того, можно увидеть другую перспективу взаимности в диаде «клиент – аналитик», а также потребности аналитика чувствовать себя особенным и видеть в преувеличенно позитивном свете.

Без сомнения, основным инструментом психоаналитического метода является проанализированный ум аналитика, поэтому аналитик должен критически оценивать, насколько сложными и многослойными являются его собственные отношения с реальностью и насколько развита его способность справляться с эмоциональной болью. Но, как бы то ни было, аналитик всегда будет оставаться обычным человеком и так же, как и его клиент, воспринимать реальность сквозь призму собственной эдиповой конфигурации. И если человеческую природу преодолеть невозможно, то это означает, что психоаналитическая способность аналитика, его альфа-функция, никогда не будет стабильной. Аналитику всегда будет сложно выдерживать свое незнание и неопределенность, а также обрабатывать те эмоциональные переживания, которые «вбрасывает» в него клиент с помощью проективных идентификаций. Поэтому аналитик всегда бессознательно будет идти навстречу принципу удовольствия, разряжать давление и удовлетворять свои эдиповы желания тем или иным образом.

Аналитики уже давно признали факт самопожертвования, которое в той или иной степени имеет место в ходе анализа (Maroda, 2022). Но почти никто никогда не говорил о том, что в процессе работы с клиентами аналитик также удовлетворяет и собственные потребности. Безусловно, важно разграничивать мазохизм и самопожертвование и ни в коем случае не одобрять мазохизм. Но не менее важно аналитику осознавать не только собственные эмоциональные переживания, но и вытекающие из них мотивы и потребности, а также понимать, как они удовлетворяются как в целом, так и с каждым отдельным клиентом. Причем следует помнить, что с возрастом и опытом его мотивы и потребности могут изменяться и это будет требовать от него постоянного самоанализа. Цель самоанализа заключается в поиске и достижении здорового баланса между самопожертвованием и удовлетворением собственных потребностей, а также в осознании того, что этот баланс необходимо соблюдать не только в интересах аналитика, но и в интересах его клиентов.

Хорошо известно, что одним из наследий классического анализа является миф об идеально проанализированном аналитике, а также миф о том, что существуют аналитики, которые всегда делают правильные и адекватные интерпретации. В профессиональных сообществах бытует мнение, что аналитическое Эго не должно оставлять много места для естественной уязвимости, которая возникает в результате эмоциональной вовлеченности в диаде «клиент – аналитик». Аналитики одобряют первое, но не второе, вероятно, поэтому тема их уязвимости до сих пор не нашла отражения ни в научных исследованиях, ни в их личном анализе и зачастую расценивается скорее как признак слабости и неполноценности,

а также как причина неизбежных неудач в работе. По всей видимости, с этим связаны и чувства вины и стыда, которые мешают аналитикам осознавать и принимать то, что они уязвимы, когда работают с клиентами, а также откровенно обсуждать ошибки и тупики в работе на супервизиях. Вероятно, с этим связано и то, что аналитики зачастую предпочитают «родительский» подход в работе с клиентами с целью исправления «недостатков» их раннего детства, пренебрегая конфликтами и негативными переносами в работе и игнорируя тот факт, что их собственные страхи и потребности в мгновение ока могут быть актуализированы в рамках психоаналитических сессий с клиентами. Хотя очень соблазнительно верить в то, что большинство специалистов находят способ «справляться» со своей уязвимостью, исследования в ходе написания данной статьи заставляют думать иначе.

Аналитик всегда работает собой, поэтому ему необходимо оставаться уязвимым, а значит, переживать обиду, разочарование, чувствовать себя обескураженным, возможно, даже униженным, неспособным вынести давление клиента и вынужденным отыгрывать. Это так же неизбежно в процессе анализа, как и чувство радости или эмоциональное ликование. Понимание того, где берут начало нереалистичные ожидания аналитика от самого себя, может помочь ему принять как свои собственные человеческие недостатки и ограничения, так и недостатки своих клиентов. Это также может ему помочь выше оценить свою природную эмпатию, любознательность, способность наблюдать и дриминговать, а также другие качества, которые служат ему и его клиентам. Отрицание же собственной человеческой природы и потребностей может только усиливать эдипово высокомерие и защитные реакции, а также вылиться в форму самоидеализации, которая угрожает стереть человечность и индивидуальность как самого аналитика, так и его клиента. Вероятно, что образ «достаточно хорошего» аналитика должен быть переориентирован на его уникальность, а не на благодеяние. В конце концов, в ходе анализа, аналитик несет большую ответственность за то, чтобы постоянно меняться, в противном случае процесс будет менять аналитика, причем всегда в худшую сторону.

Таким образом, опираясь на размышления, приведенные в данной статье, можно утверждать, что человеческую природу невозможно преодолеть, как невозможно преодолеть и эдипов комплекс. А это значит, что аналитик, как и его клиент, имеет собственную эдипову конфигурацию, всю жизнь несет с собой ранний детский опыт, который определяет его внутриспсихическое и межличностное развитие, тревоги и защиты, а следовательно, и нарциссическую уязвимость. Все эти факторы делают аналитика тем человеком, кто он есть, и в том числе мотивируют его выбор профессии и обуславливают то, как он ведет анализ. Критически важными являются осознание аналитиком собственных переживаний, мотивов и потребностей, которые уходят корнями в его ранний детский опыт; осознание того, чем он жертвует, а в чем выигрывает, работая с клиентами; низвержение тотема совершенства; принятие без чувства вины или стыда собственной обычной, и необычной, человечности; а также признание

того, какую роль играет его аутентичность и эмоциональная вовлеченность в диаде «клиент – аналитик».

Задача следующего поколения аналитиков состоит в том, чтобы справиться с «пережитками» мифической нейтральности и проанализированности аналитика, отказаться от довольно пассивного и идеализированного подхода к анализу, перестать фокусироваться на бессознательном и неизвестном, а также сравнивать взрослого пациента с неразвитым младенцем и вместо этого использовать силу своей эмоциональной коммуникации с клиентом. Роль психоаналитика должна трансформироваться из роли человека, который ответственно и с эмпатией работает с клиентом, в роль, в которой аналитик обладает исключительными способностями для того, чтобы признавать и ориентироваться в том, что происходит между ним и клиентом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бион У.Р.* Научение через опыт переживания / Пер. с англ. М.: Когито-Центр, 2008. (Библиотека психоанализа.)
2. *Бион У.Р.* Элементы психоанализа / Пер. с англ. М.: Когито-Центр, 2019. (Библиотека психоанализа).
3. *Блендоню Ж.* Встречи над пропастью (Жизнь и Труды Биона) / Пер. с англ. Ульяновск: АО «Областная типография «Печатный двор», 2019.
4. *Бокановски Т.* Шандор Ференци / Пер. с англ. М.: Когито-Центр, 2013.
5. *Грин А.* Работа негатива. Психоаналитическая работа, фокусированная на концепте негатива / Пер. с франц. Киев: Издательство Ростислава Бурлаки, 2020.
6. *Кохут Х.* Анализ самости. Систематический подход к лечению нарциссических нарушений личности / Пер. с англ. М.: Когито-Центр, 2017. (Библиотека психоанализа).
7. *Кохут Х.* Восстановление самости / Пер. с англ. 2-е изд. М.: Когито-Центр, 2017. (Библиотека психоанализа).
8. *Мельтцер Д.* Сексуальные состояния разума. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2021.
9. *Огден Т.* Мечтание и интерпретация: Ощущая человеческое / Пер. с англ. А. Ф. Ускова. М.: Независимая фирма «Класс», 2001. 160 с. (Библиотека психологии и психотерапии, вып. 91).
10. *Сандлер Д.* «Конечный и бесконечный анализ» Зигмунда Фрейда / Пер. с англ. М.: Канон-Плюс, 2016.
11. *Симингтон Д., Симингтон Н.* Клиническое мышление Уилфреда Биона / Пер. с англ. М.: Когито-Центр, 2010. (Библиотека психоанализа).
12. *Стайнер Дж., Кляйн М.* Лекции Мелани Кляйн по психоаналитической технике. Редактирование и критический обзор Джона Стайнера / Пер. с англ. М.: Научный мир, 2021.
13. *Фрейд З.* Введение в психоанализ // Зигмунд Фрейд / Пер. с немецкого Т. В. Барышникова; предисл. Э. Марона; примеч. В. Брушлинского. М.: АСТ, 2019. (Всемирное наследие).

14. *Xиншелвуд Р.* Контрперенос и терапевтические отношения. Новейшие изменения в кляйнианской технике // Журнал практической психологии и психоанализа. М.: Институт практической психологии и психоанализа. 2007. № 1. С. 88–100.
15. *Cassorla R.* (2013) When the Analyst Becomes Stupid: an Attempt to Understand Enactment Using Bion's Theory of Thinking // *The Psychoanalytic Quarterly*, 82:2, pp. 323–360.
16. *Chused J.* (2012) The Analyst's Narcissism // *The Journal of American Psychoanalytic Association*, 60:5, pp. 899–915.
17. *Feldman M., Spillius E., Segal H.* (2021) *Psychic Equilibrium and Psychic Change: Selected Papers of Betty Joseph*. London, Routledge. (The New Library of Psychoanalysis).
18. *Ferro A.* (2017) *The New Analyst's Guide to the Galaxy: Questions about Contemporary Psychoanalysis*. London, Routledge.
19. *Frommer M.S.* (2013) When the Analyst's Protected Space is Breached: Commentary on Paper by Stephanie R. Brody // *Psychoanalytic Dialogues*, 23(1), pp. 59–71.
20. *Gerson M-J.* (2018) Death of a Parent: Openings at an Ending // *Psychoanalytic Perspective*, 15:3, pp. 340–354.
21. *Hartke R.* (2016) The Oedipus complex: A confrontation at the central crossroads of psychoanalysis // *The International Journal of Psychoanalysis* 97(3), pp. 893–913.
22. *Hirsch I.* (2014) Narcissism, Mania and Analyst's Envy on Patients // *Psychoanalytic Inquiry*. Volume 35. Issue 5, pp. 408–420.
23. *Joseph B.* (2003) The patient who is difficult to reach // In E. B. Spillius *Melanie Klein today: Developments in theory and practice*, Taylor & Francis/Routledge. Vol. 2, Mainly practice, pp. 48–60.
24. *Kite J. V.* (2016) The Fundamental Ethical Ambiguity of the Analyst as Person // *Journal of American Psychoanalytic Association*, 64(6), pp. 1153–117.
25. *Kravis N.* (2013) The analyst's hatred of analysis // *Psychoanalytic Quarterly* 82(1), pp. 89–114.
26. *Levenson E.* (2009) The Enigma of the Transference // *Contemporary Psychoanalysis*. Vol. 45, Issue 2, pp. 163–178.
27. *Maroda K.* (2022) *The Analyst's Vulnerability. Impact on Theory and Practice*. London and New York, Routledge Taylor & Francis Group.
28. *Mills J.* (2017) Challenging Relational Psychoanalysis: A Critique of Postmodernism and Analyst Self-Disclosure // *Psychoanalysis Perspective*, 14:3, pp. 313–335.
29. *Pinsky E.* (2011) The Olympian delusion // *Journal of the American Psychoanalytic Association*, 59, pp. 351–376.
30. *Sánchez-Medina A.* (2018) Projective identification and “telepathic dreams” // *The International Journal of Psychoanalysis*, 99:2, pp. 380–390.
31. *Searles H.* (1999) *Countertransference and Related Subjects: Selected Papers / Psychosocial Pr.*, 1st (THUS) edition.
32. *Sophocles.* (2000) *The Three Theban Plays: Antigone; Oedipus The King; Oedipus at Colonus*. Trans. By Robert Fagles, London: Penguin Classic.

33. *Steiner J.* (2020) *Illusion, Disillusion, and Irony in Psychoanalysis*. London and New York, Routledge Taylor & Francis Group.
34. *Walsh J.* (2011) *Unconscious Dissemblance: The Place of Irony in Psychoanalytic Thought* // *PIVOT: A Journal of Interdisciplinary Studies and Thought* 1(1), pp. 143–158.

The Psychoanalyst's Oedipus Complex and Vulnerability

O. V. Geiger

Geiger Olesya V., Medical doctor, psychiatrist, psychologist, psychoanalytically oriented business consultant, member of the Moscow branch of ECPP.

The Oedipus complex, as an intrapsychic structure, is inherent in every human being. Each of us once stood at the Oedipal "crossroads" and passed through the millstones of ambivalent emotions associated with the triangular relationship "mother – me – father". Human nature is impossible to overcome, and our Oedipal experiences never disappear. Hence, the analyst, like his or her client, carries early childhood experience throughout his or her whole life. This determines the analyst's intrapsychic and interpersonal development as well as his or her thinking, psychic reality, and narcissistic vulnerability. All these factors make an analyst who he or she is, underpinning, among other things, his or her personal motivation for being analyst and the way he or she conducts analysis. Since the analyst's only tool is himself or herself, everything depends on his or her awareness of what motives and needs he or she satisfies as well as on what he or she both sacrifices and gain by working with clients. The issues of the Oedipus complex and the analyst's vulnerability have historically been neglected, not only as a subject of scientific research, but also in analysts' personal analysis. This article is an attempt to study what it is not customary to talk about in psychoanalytic communities – something that remains unspoken, undisclosed and even secret both in the analyst's life and consulting room.

Keywords: Oedipus complex, Oedipus configuration, early childhood experience, narcissistic vulnerability, analyst, the intellectual Oedipus, the truth drive, psychic development.